

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 24 de marzo de 1960

Буэнос Айрес, четверг 24 марта 1960 года № 530

И.л. Курбский

Кто „сделал“ Февральскую революцию

Никакой революции в феврале/марте 1917 года в России не было. Революция — это переворот, кровавое столкновение между защитниками существующего строя и революционными массами, повстанцами, войсками. В России никто с оружием в руках в 1917 году не выступил против царской власти, никто, имевший силу защитить существовавший режим, его не защищал, переворота не было, революционные организации были поставлены перед “пост-фактум” развала власти, а их вожди спешили из-за границы к преподавательскому на стол пирогу.

Лица, имевшие в своих руках власть и военную силу, палец о палец не ударили, чтобы предотвратить падение режима. Своими действиями они, как бы заявляли: “Посмотрите, ведь мы же ничего не делаем, чтобы оберечь себя. Эй, кто там хочет, приходи и бери власть!”

Началось все с недостатка хлеба. Вернее, он был, но его не распределили как следует, не было введено карточек и по Петрограду разнесся слух, что хлеба нет. Кто разнес? Организованной пропаганды в этом отношении не было, так само собой случилось. Что же было предпринято? Ничего, кроме объявления 24 февраля 1917 года, расклеенного по городу:

“В последние дни отпуск муки в пекарни и выпечка хлеба в Петрограде производится в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостачи хлеба, получили его в запас на сухари. Ржаной муки имеется в Петрограде в достаточном количестве и подвоз этой муки идет непрерывно. Подписал: командующий войсками Петроградского военного округа ген.-лейт. Хабалов”.

Странное объявление, выпущенное в результате глупости или измены Хабалова. Такое объявление могло вызвать только обратный результат: каждый бросится за хлебом. Хабалов не потрудился, вместо объявления, снабдить все пекарни мукой, а средства передвижения были, что видно из слов Шингарева в Гос. Думе, приведенных в “Новом Времени” от 25.2.1917 года:

“Необходимо доставить в Петроград и фураж. В настоящее время в Петрограде имеется свыше 50.000 лошадей, которых за недостатком овса и сена, кормят мукой и хлебом. Лошади конкурируют с людьми и съедают хлеба больше, чем люди”.

В том же заседании, член Гос. Думы Годнев выразил удивление, что градоначальник столицы опротестовал постановление Городской Думы о принятии отцами города срочных мер к обеспечению населения продовольствием.

Уполномоченный по Петрограду также заявил “Новому Времени”, что “с 1-го февраля ежедневный отпуск ржаной муки не сокращался и подвоз муки в последние дни в Петроград увеличился”. Даже “розовый”, если не красный, А. Бубликов, ведавший транспортом, подтвердил в телеграмме по России, что

“Хлеба хватает и если было ослабление с подвозом, то временное, и вызывалось неблагоприятными условиями погоды и переутомлением служебного персонала. Снежные ураганы и заносы на большинстве дорог достигли в эту зиму своего ершен-

но не бывалых размеров, временами останавливали не только товарные, но и пассажирские поезда. Однако, в этот период тяжелого состояния дорог, продовольственные грузы все же продолжали грузиться. Движение сейчас надо считать налаженным. На главных дорогах уже идут в поездах свыше 6 милл. пудов продовольственных грузов. За 26-ое февр. одной муки прибыло 123.000 пудов”.

Я остановился на этих выписках из газеты 43-летней давности, чтобы подчеркнуть, что недостатка в хлебе в Петрограде не было. Был только тороз с подвозом из-за совершенно небывалых снежных заносов. Панику создало само начальство. Однако Госуд. Дума раздувала вопрос о “недостатке хлеба”.

24-го февраля председательствующий М. В. Родзянко выступил с внеочередным заявлением:

“Волнения (!?) возникшие в Петрограде и других центральных городах (!?) на почве расстройств снабжения населения пищевыми продуктами, достигли, как вы знаете, в настоящее время размеров, которые несомненно (!?) угрожают превратиться в нежелательные и недопустимые в тяжелое военное время... В этих видах, по моему настоянию, о чем я уполномочен объявить Государствен. Думе, г. председатель совета министров собирает сегодня экстренное заседание под его председательством в составе четырех министров...”

О перевороте в данный момент, как видно из отчета заседания, никто не думал. Революционеры еще и в голову не приходило воспользоваться “волнениями”. Следовательно, была полная возможность предупредить развитие волнений, удовлетворительно поставив снабжение и все было улеглось.

В Москве, в это время, в кабинете городского головы состоялось

“совещание по вопросу о введении в городе хлебных карточек. Духовной нормы хлеба совещание не определило. В столовых, чайных хлеб будет выдаваться не больше 1/4 фунта на посетителя”.

Не так уж плохо. И не было плохо с хлебным снабжением, если через 3 года войны еще не были введены хлебные карточки.

Не было никаких оснований для того, чтобы распустить Госуд. Думу. Но советники настаивали перед Царем и было объявлено:

“На основании ст. 99 основных гос. законов повелеваем: занятия в Государственной Думе и Государственном Совете прервать 26 февраля с. г. и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 г., в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правит. Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение. На подлинном собств. ЕИВ рукой подписано: “Николай”. В Царской ставке 25.2”. Скрепил: пред. сов. мин. кн. Ник. Голицын”.

“Скрепил” и дальше ничего не делал. Правительство не приняло мер к наблюдению за членами Гос. Думы, не имело уведомления о действиях лидеров групп. Правда, вначале роспуск прошел гладко. Но самый роспуск весьма не понравился некоторым лидерам групп. Однако о революции ими не было принято никаких решений.

По вопросу о роспуске Думы, собрался совет старейшин. Программы совещания не было. Намечалось просто “обсудить вопрос”. О революции в плотную никто не думал. И уже в порядке обсуждения, совет старейшин решил постановить: “Государственной Думе не расходясь. Всем депутатам оставаться на своих местах”. Такое постановление было известно Правительству, но никаких мер принято не было. Правительство как бы наблюдало: “Ну, а дальше что?”, так как о революции не говорилось. Но, ведь, это уже был бунт против высочайшей власти! Однако Правительство и градоначальник преступно теряли время... власть. Ставка Царя информирована телеграммами Родзянко в духе решенной грушевской лжи, красноречиво сгушались и время работало в пользу власти.

26-го февраля М. В. Родзянко отправил в Царскую ставку телеграмму Государю:

“Положение серьезное. В столице анархия (не по вине ли Родзянко, и власть имущих? Ил. К.). Правительство парализовано (Вернее — беспечно. Ил. К.). Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство (совсем не так мрачно в действительности. Ил. К.). Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная (а не революционно организованная, значит, легко подаваемая. Ил. К.) стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Мслю, Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца”.

Какое лицемерие. Беспорядки в Петрограде, в распоряжении Правительства власть. А Царя бомбардируют телеграммами о такого рода “помощи”, которая вносила только больший развал. Посылая такую телеграмму Царю, Родзянко, одновременно, направил ее всем главнокомандующим фронтам, снабдив ее “просьбой поддержать его, (а не Царя и Правительство. Ил. К.) со своей стороны перед Царем”. И эти “слуги Царя” ухудшили своим ответом положение в Петрограде, толкнули страну навстречу “революции”, которой фактически еще не было. Генерал Брусилов ответил: “Вашу телеграмму получил. Свой долг перед Родиной и Царем (?) исполнил”. Телеграмма генерала Рузского гласит: “Телеграмму получил. Поручение исполнил”. И Великий Князь Николай Николаевич также:

“Сейчас, в согласии с мнением ген.-адъютанта Алексеева, обратился к Государю Императору с верноподданнической (?) мольбой (!) ради спасения (?) России и победоносного окончания войны принять решение, признаваемое в а м единственно выходящим при создавшихся роковых условиях”. Тифлис. 23 в 12 ч. 47 м. пополудни”. “Верноподданническая мольба” ускорила государственный развал... и видеть в развале “окончание войны”, да еще “победоносной”!

А в это время Родзянко строчил вторую телеграмму Царю:

“Положение ухудшается. Надобно принять немедленные меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии”. Судьба родины и династии решилась

Проблема русской монархии это вовсе не проблема “реформы правления”. Для России это есть вопрос о “быть или не быть”. Ибо это есть вопрос морального порядка, а все то с в о е, что Россия давала или пыталась дать миру и самой себе — все то, на чем реально строилась наша история и наша национальная личность — было основано не на принципе насилия и не на принципе выгоды — а на чисто моральных исходных точках. Отказ от них — это отказ от самого себя. Отказ от монархии — есть отказ от тысячи лет нашей истории.

Ив. Солоневич

бы иначе, если бы там, откуда шли телеграммы — в Петрограде и на фронтах — были приняты во-время соответствующие меры.

Все толкали к революции. Никто не выступил за Царя. Из далекой Швейцарии в заломбированном вагоне спешил Ленин и другие эмигранты. Ни гражданские власти, ни военные власти, никто, кто присягал Государю, не поднял голос в Его защиту.

Даже Святейший Синод! Передо мной текст “Обращения Св. Правит. Синода к чадам Православной Церкви”:

“Божией Милостью Святейший Правит. Синод верным чадам Православной Российской Церкви.

Благодать вам и мир да умножится. (2 Петр. 1, 2).

Совершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем (?) и славой (?) на пути новой государственной жизни”.

Так начиналось это обращение, подписанное: Смирненным Владимиром, митрополитом Киевским, смирненным Макарием, митрополитом Московским, и архiereями: Сергием Финляндским, Тихоном Литовским, Арсением Новгородским, Михаилом Гродн., Иоакимом Нижегородским, Василием Черниг. и протопресвитером Александром Дерновым.

Где же были “верноподанные”, целовавшие Крест при присяге Царю, кто с открытым забралом выступил бы на фронте или в тылу для предотвращения нависшей революции? Почти никто. Капля в море. Одиночки.

Царя заставили отречься и Он отрекся. Государя обманули информацией и Родзянко, и главнокомандующие.

“Новое Время” от 5.3.1917 г. сообщает:

“Николай II второго марта отрекся от престола за себя и за сына в пользу брата Михаила Александровича. Великий Князь Михаил Александрович отрекся от власти до решения Учредительного Собрания о форме правления в России. Из большинства городов России получают телеграммы о признании Временного Правительства (название дано было точно. Оно и было Временным. Ил. К.); избраны Временные исполнительные комитеты. Франция, Англия, Италия и Япония признали новое правительство в России”.

Брутов оказалось много. В том числе: и царствующий в Англии кузен Императора и Великие Князья из Дома Романовых.

П. Н. Миллюков произносит речь в новом Правительстве:

“Мы присутствуем при великой исторической минуте. Еще 3 дня

назад мы были в скромной оппозиции (Это знаменательное признание, что на революцию, на захват власти не надеялись, власть неожиданно свалась на нас. Ил. К.), а русское правительство казалось всемогущим (даже им казалось всемогущим! Ил. К.). Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты (признается, что не "делали" революцию, а она сама собой пришла. Ил. К.) революцией, армией, народом на почетное место членов первого русского общественно-го комитета.

...Как произошло (удивляется Миллюков. Ил. К.) то, что русская революция, низвергнувшая навсегда старый режим, оказалась чуть ли не самой короткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история! Это произошло потому, что история не знает и другого правительства (он не сказал Царя, а именно Правительства. Ил. К.) столь глупого, столь бесчестного, столь трусливого и измещенно-чуждого, как это...

Прав Миллюков, что никто из революционеров и не заметил, что революция подошла, не ждал, что правительство откажется от власти, так как трусливо-растерянно ничегонеделанием изменило Царю.

А в это время фигляр Керенский метеором носится по Петрограду в погоне за популярностью. Он сразу бросается на заседание Совета Рабочих Депутатов и митингует ("Н. Вр.):

"Товарищи! доверяете ли вы мне? (крики: "Доверяем!"). Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца (эти слова часто говорит Хрущев. Ил. К.) и готов умереть, если это будет нужно".

Это было очень нужно в то время. Но он не умер, а предпочел впоследствии бежать в женском платье и до сих пор разыгрывает "из себя" роль представителя "подкапэсского" народа.

В тот же вечер он выступал перед солдатами в Екатерининском Зале, где, между прочим, кричал:

"Товарищи, в моем распоряжении находятся все бывшие председатели совета министров и все министры старого режима. Они ответят, товарищи, за вас (?) и преступления перед народом, согласно закону (?)".

Дальше мы читаем в "Новом Времени" постановление Временного Правительства:

"1. Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишеными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село. 2. Поручить генерал-адъютанту Алексею (кто присягал Царю, в кого Царь верил! Ил. К.) для охраны отрекшегося императора представить наряд в распоряжение командиро-

Политическая Хроника

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Нам пишут из Лондона: Агентство "Рейтер" сообщает о резком ухудшении здоровья сестры убиенного Государя Николая Александровича, Великой Княгини Ксении Александровны, проживающей в Англии. В виду возраста больной — Великой Княгини 84 года — ее положение внушает серьезные опасения.

ванных в Могилев членов Государственной Думы Г. Д. Бубликова, Вершинина, Грибунина и Калининна. 3. Обязать членов Думы, командированных для сопровождения отрекшегося императора из Могилева в Царское Село представить письменный доклад о выполнении ими поручения".

А ведь если бы Алексеев был не за Керенского и Ко, а за Царя и народ (народ в "делании революции" никакого участия не принимал), то мог бы быть другой исход. Никто из офицеров, находившихся при аресте и увозе Императора, за Него не заступился.

"Николай II одну руку держал под козырек, а другой, как обычно, покрывал свои усы. В это время к Царю подбежал флаг-капитан Нидов схватил руку Царя и поцеловал ее. Николай II вскочил в вагон".

И вот, сейчас, по прошествии четырех десятков лет со времени "революции" в России, в обеденный перерыв я слышу часто от бывших офицеров Царской армии бросаемые кому угодно, но не себе, упреки: "Проспали Россию. Предали Царя"... Это же я слышу от бывших властвовавших по гражданской части в России, от убежденных седной. Не они должны говорить эти слова. Им может это сказать молодежь. А им, палец о палец не ударившим для защиты России и Царя, а потом присягнувшим новому Вр. Правительству и бежавшим с фронта на юг не по своим политическим убеждениям, а ради спасения шкуры. "Белое Движение" началось позднее! (И далеко не все приняла в нем участие!). Нужно напихивать взывать "Грешен я, Господи! Прости меня, может и не ведал, что творил". И сейчас, в Великий Пост, нужно, бня себя в грудь, произносить великие слова молитвы св. Ефрема Сирина:

"Господи и Владыко живота моего! Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренного удрья, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи-Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего..." Аминь.

Ил. Курбский

Из Франции в Англию прибыла дочь Великой Княгини, княгиня Ирина Александровна Юсупова. Кроме нее при больной неотлучно находится один из ее сыновей, Князь Андрей Александрович.

ВЫСЫЛКА РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ИЗ ПАРИЖА

Нам пишут из Парижа:

В связи с предстоящим приездом Хрущева во Францию, правительство генерала де Голля согласилось исполнить требование, предъявленное ему большевиками, и выслало из Парижа на Корсику и в другие отдаленные от столицы места многочисленных эмигрантов-антикоммунистов, по списку, переданному французским властям прилетевшим из Москвы чекистом, генералом Захаровым. В числе высланных эмигрантов больше всего венгров. Представлены и все другие национальности, вплоть до китайцев.

Из русских эмигрантов, проживающих в Париже, высланы на Корсику: секретарь журнала "Возрождение" И. К. Мартиновский-Опишня, представитель "Посева" во Франции С. Г. Сибиряков, солидаристы А. П. Стольпин, Бек-Софиев, Жестков и др.

Всем высланным на сборы давалось 15 минут. Полиция пыталась арестовать и выслать из Парижа сотрудника "Возрождения" кн. С. Оболенского, но не смогла установить его местопребывания.

ВЫСЫЛКА В. РУДИНСКОГО

Нам пишут из Парижа:

Проживающий в Париже русский журналист В. Рудинский был арестован французской полицией в связи с назначением на 15-го марта (и затем отложенным) приездом Хрущева во Францию и выслан одновременно с другими арестованными по той же причине русскими эмигрантами, из Парижа на Корсику.

"НЕДЕЛЯ ПОРАБОЩЕННЫХ НАЦИЙ"

Нам пишут из Нью Йорка:

18-го февраля с. г. "Наша Страна" сообщила содержание письма в редакцию "Нью Йорк Таймс", подписанного проф. Г. П. Чеботаревым, бывшим участником Белого Движения в рядах Донской Армии. В этом письме проф. Чеботарев подчеркнул связь между германской национал-социалистической пропагандой, стремившейся к уничтожению России, и теми взглядами, которые были положены в 1959 году в основу резолюции Конгресса Соединенных Штатов о так называемой "Неделе Порабощенных Наций".

Письмо Г. П. Чеботарева вызвало возражение в виде письма в редакцию того же "Нью Йорк Таймс", подписанного Эдуардом М. О'Коннором, бывшим комиссаром Соединенных Штатов по делам перемещенных лиц, а ныне — директором особых изысканий, осуществляемых Канадус Колледжем в гор. Буффало.

Отвечая Г. П. Чеботареву и признавая свое участие в подготовке проекта резолюции Конгресса о так называемой "Неделе Порабощенных Наций", Э. М. О'Коннор отрицает какую-либо связь между содержанием этой резолюции и национал-социалистическим мировоззрением. Резолюция, по его мнению, содержит только "официальное признание того факта, что империалистическая политика коммунистической России привела к созданию обширной империи, состоящей из порабощенных нерусских наций". Список этих наций, включенный в резолюцию и упоминающийся, как известно, такие "нации", как, например, Казакция или Идель-Урал, был составлен, по словам О'Коннора, "на основании официальных документов и сообщений правительства Соединенных Штатов".

Умолчание резолюции Конгресса о порабощении русского народа коммунистами О'Коннор объясняет следующим образом: "Закон не содержит никакого упоминания о борьбе русского народа за установление его национальной независимости потому, что нет данных, подтверждающих факт этой борьбы. Трагично то, что 70 миллионов русских в СССР не выдвинули из своей среды ни одного национального патриота. Более того, в свободном мире нет ни одной организации, которая боролась бы за национальную независимость России. Существуют зато многочисленные явные и скрытые организации, цель которых состоит в сохранении Российской Империи, независимо от существующей в этой Империи формы правления".

Письмо О'Коннора заканчивается призывом к производству расследования действий того движения в Соединенных Штатах, которое, по его словам, руководствуется лозунгом: "Россия прежде всего".

**

После того, как письмо О'Коннора было напечатано "Нью Йорк Таймсом", кн. С. С. Белосельский обратился к редакции этой газеты с письмом, которое она не напечатала. Следствие этого, письмо кн. Белосельского было опубликовано в русских газетах, выходящих в Нью Йорке.

Опровергая утверждение О'Коннора о том, что русский народ никогда не боролся с коммунизмом, кн. Белосельский написал, что это утверждение "показывает полное незнание истории" и сослался на Колчака, Деникина, Врангеля, Краснова и Власова, как на руководителей русской борьбы с коммунизмом. По мнению кн. Белосельского, "русские антикоммунисты никогда не возражали против национальных чаяний, но считают, что решение всех подобных проблем должно быть отложено до свержения коммунистического режима". Кн. Белосельский выразил также пожелание, чтобы Конгресс Соединенных Штатов "включил русский народ в список порабощенных наций,

И. СОЛОНЕВИЧ

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

— Корневского изъяли. Сам он куда-то исчез, утром пришли оперативники и забрали его вещи...

— Так, — сказал я, — доигрался...

Хлебников посмотрел на меня ожидающим взором.

— Давайте сядем... Какой-то план нужно выработать.

— Какой тут может быть план, — сказал я раздраженно. —

Предупреждали парня...

— Да, я знаю... Это, конечно, утешение, — Хлебников насмешливо передернул плечами, — мы, дескать, говорили, не слушал — твое дело. Чорт с ним, с утешением... Пойдите, кажется, кто-то идет...

Мы помолчали. Мимо прошли какие-то вичкинские лагерники и оглядели нас завистливо-недружелюбными взглядами — вичкинские бифштексы на фоне соседних "паек" — широких симпатий лагерной массы не вызвали. За лагерниками показалась монументальная фигура Фомко, вооруженного удочками. Фомко подошел к нам:

— Насчет Корневского уже знаете?

— Идем в сторонку, — сказал Хлебников.

Отшли в сторонку и уселись.

— Видите ли, И. Л. — сказал Хлебников, — я, конечно, понимаю, что у вас никаких симпатий к социализму нет, — а Корневского все-таки надо выручить.

Я только пожал плечами — как его выручишь?

— Попробуйте подъехать к начальнику третьей части — я знаю, вы с ним, так сказать, интимно знакомы... — Хлебников

10

посмотрел на меня не без иронии. — А то, может быть, и к самому Успенскому?

Фомко смотрел мрачно.

— Тут, товарищ Хлебников, не так просто... Вот такие тихенькие, как этот Корневский, — дай ему власть — так он почище Успенского людей резать будет... Пролетарием, сукин сын, заделался... Он еще мне насчет пролетариата будет говорить... Нет, если большевики меньшевиков вырежут — ихнее дело, нам туда соваться нечего: одна стерва другую загрызает...

Хлебников посмотрел на Фомко холодно и твердо.

— Дурацкие разговоры. Во-первых, Корневский — наш товарищ...

— Если ваш, так вы с ним и целуйтесь. Нам таких товарищей не надо. "Товарищами" — и так сыты.

— ...А во-вторых, — так же холодно продолжал Хлебников, не обращая внимания на реплику Фомко, — во-вторых, — он против сталинского режима — следовательно нам с ним пока по дороге. А кого там придется вешать после Сталина, это будет видно. И еще: Корневский единственный сын у отца... Если вы, И. Л., можете выручить, вы это должны сделать.

— Я, может, тоже единственный сын, — сказал Фомко. — Сколько этих сыновей ваши социалисты на тот свет отправили. А впрочем, ваше дело, хотите — выручайте... А вот стукачей нам отсюда вывести нужно...

Фомко и Хлебников обменялись понимающими взглядами.

— М-да, — неопределенно сказал Хлебников... Помолчали.

— Наши ребята очень взволнованы арестом Корневского, хороший был, в сущности, парень.

— Парень ничего, — несколько мягче сказал Фомко.

Я не видел решительно никаких возможностей помочь Коре-

невскому. Итти к Подмоклому?

агитация Корневского была по о ней все знали — удивительно же... При случае можно попытаться это только в том случае, если специально с этой целью, значило ный провал. Но Хлебников смог сказать, прямо мне в совесть, что, если уж я пьянствую с П как-то и чем-то компенсировать

В тот же вечер в Динамо я лому всю эту историю в весьма смотрел на меня пьяными и хивался. Я сказал, что эта история: только что я ввел на Вичку окружающих, "троцкистов" — лись на таких условиях: Подмо же обязуюсь принять на Вичку

— А знаете, кого? — с пья

моклый.

— А мне все равно.

— Ой ли? Профессора У.

У меня глаза на лоб полезли ти мировым именем. И он сен из курорта в западню? И моя х И, главное, как будто ничего н

Но профессор У. на Вичку чить так и не удалось. Рыбачья при впадении в него реки Вички кистов". Ноги трупа запутались

Г. Месняев

ТЕРМИТЫ

Недавно в газетах промелькнуло известие о нашествии на Италию термитов. Термиты — это насекомые, похожие на муравьев, которые, проникая в дерево и прокладывая в нем ходы и лабиринты, постепенно съедают все. Дерево обращается в труху, и всякий дом, пораженный термитами, рано или поздно, обречен на полное разрушение. Точно также и Российский Имперский Дом, подточенный долготелней работой термитов, — не выдержит и рухнет.

Кто же были эти термиты, погубившие Россию?

В связи с сотой годовщиной со дня рождения А. П. Чехова, наша мысль естественно обращается к этому замечательному русскому человеку и удивительному писателю. Нам хочется узнать его мысли и взгляды на самые разнообразные вопросы русской общественной жизни в последние десятилетия перед революцией. В этом смысле исключительный интерес представляют письма Чехова (даже препарированные большевиками), в которых, с немалым удивлением, можно подчас встретить совершенно неожиданные высказывания и мысли, в корне противоречащие тому представлению о Чехове, которое было, в свое время, очень искусно внушено русским людям либеральной и радикальной критикой.

Так, в одном из писем к А. С. Суворину по поводу какого-то романа французского писателя П. Бурже, Чехов писал:

«Неужели подобные авторы заставляют искать лучшего, заставляют думать и признавать, что скверное действительно скверно? Неужели они заставляют «обновляться»? Нет, они заставляют Францию возрождаться, а в России они помогают дьяволу размножать слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция... которая не патриотична,

признав этим факт, что русские являются первыми жертвами коммунизма».

Это же пожелание было выражено кн. С. С. Белосельским в письме к одному из инициаторов резолюции Конгресса о так называемой «Неделе Порабощенных Народов», сенатору Томасу Додду. Это письмо было также опубликовано русскими газетами в Нью-Йорке.

От имени Представительства Российских Эмигрантов в Америке, кн. Белосельский заявил в этом письме, что «российские эмигранты одобряют эту резолюцию, но глубоко сожалеют, что Конгресс не счел возможным включить в число порабощенных наций русский народ, который был и есть первая жертва международного коммунизма». «Кроме того, — написал кн. Белосельский, — эффект резолюции сильно уменьшен включением в нее среди порабощенных наций Идель-Урала и Казакки, которые по нашему разумению, даже не существуют и никогда не существовали».

В заключительной части своего письма, кн. Белосельский обратился к сенатору Додду с просьбой «внести поправку в эту резолюцию с тем, чтобы в нее был включен и русский народ».

28-го февраля с. г. существующий в Нью-Йорке «Блок Националов — Народов России» опубликовал в «Новом Русском Слове» заявление о том, что он категорически отмежевывается от письма кн. Белосельского сенатору Додду и, одновременно, оспаривает право Представительства выступать от имени всей эмиграции. По мнению Блока, кн. Белосельский не имел права привлекать резолюцию, которая «коммунизм не только не ослабит, а усилит, толкнувши на поддержку коммунистической власти даже антикоммунистов, когда встанет вопрос о сохранении единства общего для всех народов государства».

Выходящий в Нью-Йорке на английском языке «Украинский Бюллетень» сообщает, что политическая комиссия Украинского Конгрессового Комитета постановила принять меры к «торжественному ознаменованию Недели Порабощенных Народов в июле 1960 года».

уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки., которая брызжит и охотно отрицает в с е, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать...»

Нетрудно догадаться, что именно отрицала в те времена, «вялая, ленивая, холодная интеллигенция», одним из основных пороков коей была отмеченная Чеховым непатриотичность. Отрицание касалось самого главного, на чем из века в век зиждилась Россия: православной веры, православной Церкви, Царского престола и всего сугубо русского и традиционного, что было неразрывно связано с ними.

Есть такой публицист, закоренелый социалист Д. Шуб. Недавно он написал статью «Либерализм в России» (Альманах «Мосты», том 2-й), в которой с восхищением повествует о русских либералах, которым он ставит в заслугу то, что «в подготовке обеих революций (имеется в виду 1905 и Февраль 1917 г., хотя справедливо было бы упомянуть и об участии либералов в подготовке и Октябрьской революции. Г. М.) играли не меньшую роль, чем все социалистические партии вместе взятые».

Роль либеральных термитов, наряду с термитами социалистическими, в разрушении России — общезвестна. Ничего нового Д. Шуб не сказал. Однако, восхвалять деятельность их через четыре десятилетия после революции, как-то странно, и, скажем прямо, — неумно. Едва ли русские люди, вдоволь хлебнувши горя в результате всяких революций, разделят восторги Д. Шуба по поводу жалкой роли русского либерализма, работавшего прислуживавшего некогда революционным партиям и перед ними заискивавшего.

Восхваление это, однако, приобретает совсем иной смысл и иное значение, ибо для этого Д. Шуб избрал страницы изданий, так наз. ЦОПЭ — Центрального Представительства Политических эмигрантов, имеющего свою главную квартиру в Мюнхене и развивающего там энергичную издательскую деятельность, благо недостатка в средствах это Представительство не ощущает.

Наряду с изданием журнала «Свобода», ЦОПЭ издает и альманах «Мосты», который и по объему (460 страниц во 2-ом томе) и по своему внешнему виду, — представляет собой, в условиях эмигрантских, явление исключительное.

Издательство «Мостов» предпринято ЦОПЭ, как это следует из предисловия к 1-му тому, не для просвещения эмигрантов. Альманахи эти предназначены для читателей «там», куда они, если верить издателям, каким-то образом переправляются. Казалось бы, что в книгах такого рода, являющихся как бы эмигрантскими письмами к порабощенным соотечественникам, должно даваться самое лучшее, что создается эмиграцией и в смысле художества и в смысле идей. Идей, передаваемые за «Железным Занавесом», естественно, должны отличаться новизной, свежестью, чуждостью устарелым трафаретам, и отвечать той тяге ко всему национальному, которая несомненно живет в русских душах по ту сторону баррикады.

Только при таком условии можно приветствовать всякие начинания, имеющие в виду установление контакта эмиграции с русскими людьми, живущими дома, и только тогда усилия, сделанные в этом направлении, могут быть признаны заслуживающими уважения.

К сожалению, ничего этого нельзя сказать по поводу «Мостов». Оставляя в стороне чисто литературную часть альманахов, которая вовсе не представляет собой чего-либо первоклассного и первосортного (не лучше ли было дать для подсоветского читателя образцы эмигрантских классиков, скажем, Бунина, Шмелева, Зайцева, Алданова?), нельзя без суровой критики пройти мимо того, что редакторы альманахов стараются переправить в родную страну по части идейной и политической.

Достаточно указать хотя бы на то, что в первом томе «Альманаха» тот же Д. Шуб, в обширной статье, старался доказать русским людям и здесь и «там», что Максим Горький, несмотря на самую постыдную его близость к советской власти и несмотря на его прямое участие в преступлениях этой власти — не только человек самых благородных свойств и качеств, но и один из столпов свободной мысли в России, благородный борец за раскрепощение человеческой личности. Неле-

пость таких утверждений — совершенно ясна. Попытка обеления Горького, предпринятая Д. Шубом (он пытался недавно обелить и «предтечу Ленина», Чернышевского) не только бессмысленна, но и прямо издевательская по отношению к русским людям, испытывавшим ценность горьковского «гуманизма» на своей собственной шее. Нельзя не удивляться тому, что это, как будто, непонятно ни руководителям ЦОПЭ, ни редакционной коллегии «Мостов». Впрочем удивляться этому особенно не приходится! Ведь, и те и другие представляют собой, в своем большинстве, именно тех людей, о которых проф. И. А. Ильин, говоря о «левой прессе» сказал, что они «за 30 лет ничего не забыли и ничему не научились»: «идеалы» Февраля, раз уже погубившие Россию, для них священны и неприкосновенны». Названная выше статья Д. Шуба «Либерализм в России» — представляет собой самое красноречивое доказательство того, что все устои «Мостов» зиждятся на «идеалах» Февраля.

Работа «термитов», к сожалению наших предшх приют на страницах изданий ЦОПЭ, не ограничивается чистой политикой и стремлением внедрить в сознание современных русских людей ложные и живые представления об ушедшей России и об ее истории. Термиты работают и в области духа: они стремятся посеять в душах современных русских людей нигилистические, псевдопрогрессивные мысли и представления и делают это путем прославления и пропаганды гниющего и отравляющего мирового воздух, так наз. «модерного» искусства.

Во втором томе «Мостов» имеется статья Александра Шика «Русское зарубежье и европейское искусство (живопись и ваиние)». К этой статье приложены иллюстрации, с помощью которых читатель статьи Шика в состоянии оценить в полной мере, восхваляемые им, образцы эмигрантского искусства заграничной.

«Если... нельзя, к сожалению, похвалиться достижениями в живописи и в скульптуре наших живущих в пределах СССР соотечественников, то с тем большей радостью и удовлетворением можно говорить о месте и заметном участии в европейском искусстве эмигрировавших из СССР русских мастеров, частью даже только здесь, на свободной художественной почве, впервые себя проявивших в качестве художников», — пишет Александр Шик.

Кого же «с большой радостью и удовлетворением» рекомендует он русскому читателю в качестве мастеров, кому надлежит гордиться им?

Конечно, прежде всего знаменитого Марка Шагала. Предоставим слово о нем самому Шикю.

«Странные шагаловские женщины, — пишет он, — плавающие в небесах рыбы, фантастические цветы и деревья, лепящиеся друг к другу, как далекие воспоминания о прошлом, колокольни и домики, голуби, лошади, барашки, словом, все так часто повторяющиеся на полотнах Шагала предметы и живые существа, показаны им с такой простотой, так естественно, что даже скептически настроенный зритель, обезоруженный искренности и увлеченностью (?) художника, перестает недоумевать, почему это в букете вдруг оказались часы или подсвечник, а какая-то обнаженная женщина нежится на откуда-то произрастающих цветах, поверх теряющегося в тумане городского вида».

И, впрямь лучше не скажешь ни о Шагале, ни о Сутине, ни об Иване Пуни, ни о других им подобных «мастерах», восхваляемых Шиком! Разве только, для полного понимания всей глубины растления этих «творцов» можно привести слова некоего художника «абстрактной» живописи, Сталя, сказавшего:

«Невозможно остановиться на одной реальной вещи... когда их столько есть одновременно... Я стал искать выхода в освобождении от предметов».

Однако, все это психопатическое или шарлатанское «искусство» совершенно бледнеет и, как будто, даже теряет свою вредность, по сравнению со скульптурами Осипа Цадкина. В качестве образца его творений в «Мостах» дан снимок с той «скульптуры», которую ее автор издевательски и кощунственно назвал «Pieta». Под этим названием, как известно, понимаются изображения Пречистой Богородицы,

К ДРУЗЬЯМ!

Дорогие друзья!

Целью этих моих коротких обращений к вам, с первых дней моей болезни, было дать вам возможность следить за ее развитием и лечением. Думаю, что цель эта достигнута и всем вам всегда было известно, в какой именно стадии находилась моя болезнь. Сегодня я не могу ничего прибавить к сказанному в прошлом номере, но надеюсь, что ближайшие недели принесут с собою восстановление моих сил до той степени, при которой я смогу взяться за запущенную, конечно, мною корреспонденцию. На первое время, а может быть, и навсегда я сохранил эту рубрику — «К друзьям», чтобы давать в ней ответы на те письма, темы которых это позволяет, причем «адресовать» эти ответы буду на тот номер, который стоит на бандероли каждого подписчика, например: «подписчику 1.293», или обозначать их инициалами, если адресат не является подписчиком на газету, — например: «г-ну А. В.», что явится гарантией сохранения «тайны корреспонденции».

Сердечно благодарю всех тех, кто продолжает помогать нам «покупать» мое выздоровление — оплачивать докторов и лекарства, а что это стоит сейчас в Аргентине, даже и сказать страшно — не меньше, чем в Соединенных Штатах, да еще в нашей валюте, на много уступающей доллару!

Вс. Дубровский

НА ПОКРЫТИЕ РАСХОДОВ ПО ЛЕЧЕНИЮ В. К. ДУБРОВСКОГО поступили следующие суммы:

от Павла — 25 ур. песо, от Т. Н. — 250 арг. песо, от М. А. — 500 арг. песо, от В. Садовского — 200 арг. песо, от С. Греханова — 5 дол., от Е. Кукуш — 2 дол., от Е. Брандт — 15 дол., от В. М. Королькова — 14.50 ур. песо, от В. А. К. — 20 дол., от В. Трей — 5 дол., от Б. Демченко — 300 арг. песо, от В. А. Баранова — 100 арг. песо, от И. Пиноци — 3 дол., от П. Ф. Заряно — 5 дол., от В. Ф. Пост — 2 дол., от Д. А. Кулакова — 5 дол., от П. Е. Русского — 1.000 круз., от Е. Г. Евреинова — 1.000 круз., от А. М. Ситника — 2.000 круз., от Ю. П. Сомова — 250 круз., от Е. П. Кленовой — 200 круз., от Х. А. — 20 н. фр., от Х. Г. — 50 н. фр., от А. А. — 5 н. фр., от Родина — 10 н. фр., от Ченгери — 10 н. фр., от Сладкомедова — 5 н. фр., от Богдана — 4 н. фр., от Покровского — 5 н. фр., от Желтонога — 5 н. фр., от Фомичева — 10 н. фр., от Лютова — 10 н. фр., от Бузановского — 5 н. фр., от Гармаш — 5 н. фр., от Шенна — 10 н. фр., от Дрей — 20 н. фр., от Перебаскина — 5 н. фр., от М. Н. Левитова — 50 н. фр., от Сменова — 30 н. фр., от Пасиченко — 10 н. фр., от Курилова — 10 н. фр., от Сорокина — 10 н. фр.

склоняющейся, в великой скорби, над телом Иисуса Христа, лежащем на Ее коленях. Как же изобразил Цадкин эту величайшую и святейшую мировую трагедию? Какое-то бесформенное существо, с проваленным носом и глазами, с искривленными конечностями, с изрытым какими-то впадинами и оспинами телом, — держит на коленях нечто ужасное, с выпяченными ребрами, с искаженным лицом, с теми же провалами и дырами, которые имеются и в первой фигуре. И этот ужас, это чаглое и невероятное кощунство названо «Pieta»! а Шик, с такой же наглостью это гнусное произведение растлителя называет «величественным».

«Зритель, — пишет он, перечисляя «творения» Цадкина, — охвачен перед ними той значительностью, тем могуществом, которые всегда присущи настоящему большому произведению искусства».

И вот с подобными «вкладами наших соотечественников в общее дело создания мировой культуры», — как говорит Шик, — ЦОПЭ предполагает идти в Россию и на развалинах большевизма строить нечто новое. Но что же, — спросим мы, — можно построить нового в нашем несчастном Отечестве с помощью тех, увы, еще сохранившихся, «слизняков», «мокриц» и «термитов», которые, в своей старой злобе против всего светлого и чистого, по-прежнему продолжают испуганно не только лгать и клеветать, но и нагло плевать на все то, что всегда будет душой русской души: без чего она никогда не сможет жить?

Г. Месняев

Нет оттепели

«Ученица 6-го класса. сняла свой красный галстук и заявила, что больше не будет пионеркой, так как это ей мешает готовиться к загробной жизни». Эта выписка из советской «Учительской газеты» обошла эмигрантскую печать. Эмигрантские читатели реагировали на нее разнообразно: люди динамичные возрадовались — «великие перемены происходят на родине и народ уже может открыто выявлять свой антикоммунизм»; люди статического мышления опечалились — «власть продолжает богоробствовать, народ продолжает героически против нее бороться, все остается по-старому».

Таким же образом раздваиваются суждения по поводу каждой вести о жизни СССР и о жизни в СССР. Но ошибочны и неподвижные мнения и мнения чрезмерно подвижные. Реальный подход к фактам должен был бы привести к такому, приблизительно, заключению: власть вынуждена, изменяя приемы тираннии, делать некоторые уступки, но тиранния продолжается; деспоты вынуждены дать некоторые бытовые облегчения, но обыватель продолжает бедствовать.

Это умозаключение убедительнейшим образом подтверждается книгой «Советский морской офицер» (изданной в Мюнхене Центральным Объединением Поселенных Эмигрантов). Автор ее Л. Предтеченский, флотский офицер, недавно ушедший на Запад, дает как бы служебный рапорт о положении офицерства военного флота, рапорт, лишенный эмоциональных моментов, но в то же время — именно вследствие своей деловитости — вызывающий в читателе глубокие эмоции сочувствия русским людям, офицерам, поставленным властью в невозможные духовные, служебные и бытовые условия.

Хрущев хвастает: «Пятиэтажный дом мы строим в 30 дней», а Предтеченский дает страшную картину жилищных условий, в каких живет морской офицер: холостые сбиты по 3-4 в одной комнате, семейные ютятся в квартирах из 2 комнат или даже из одной комнаты, причем, зачастую, это — дощатые домики-мазанки и даже землянки. Пятый десяток лет строительства социализма, второй десяток лет восстановления разрушений, причиненных войной, а одна из наиболее привилегированных групп граждан — морские офицеры — живут нищенски. Эта группа хорошо оплачена, но ощущает такую нехватку продовольствия, что офицеры зачастую вынуждены манкировать службой, чтобы на рынке купить съестного для семьи.

Не нужно обладать богатой фантазией, чтобы представить себе быт народа, народных масс, если одна из наилучше обставленных общественных групп, — офицеры военного флота, — живет на грани острой нужды. Но эти офицерские «фуражировки» в целях добытия «дефицитных» пищевых продуктов возбраняются властью и она время от времени приказывает производить на базарах облавы на офицеров. Слова «облава на офицеров» звучат чудовищно и свидетельствуют о том, что убийствен моральный климат, в котором живут советские офицеры.

Власть не доверяет офицеру, держит его под тройным контролем: начальства, политического аппарата и органов безопасности. Непрестанно находясь как бы под следствием, под пристальнейшим и придирчивым надзором, офицер теряет доверие к своим сослуживцам. Получается расслоение по категориям служебной деятельности (артиллеристы, механики и т. д.); в каждой категории — по ступеням иерархической пирамиды; на каждой ступени — по годам выпуска из училища. Трагично то, что это расслоение, это создание групп не вызвано (как это бывает в нормальном офицерстве) естественным различием служебных интересов, но вызвано неестественным недоверием всех ко всем.

В самых не-демократических государствах офицерский мундир нивелирует уровни происхождения; в «народно-демократическом» СССР с его «бесклассовой структурой» такое нивелирование должно было бы быть совершенным. Однако, оказывается, что в советских вооруженных силах сын коммунистического сановника сторонится своего сослуживца-офицера, если он сын колхозника.

Власть не борется против этого явления. А в то же время она вмешивается в личную жизнь каждого офицера. И это вмешательство приняло такую форму, которая казалась бы неправдоподобно, если бы о ней не сообщил такой серьезный автор, как Л. Предтеченский. В «Домах Офицеров флота» организуются «тематические вечера», на которых офицеры и их жены делятся своим опытом семейной жизни, говорят о неудачных браках, анализируют причины разрушения семей. И все это делается не абстрактно, а вполне конкретно, с указанием на лиц, присутствующих на собрании: интимная жизнь этих офицеров и их жен подвергается публичному рассмотрению, обсуждению и осуждению. А «Красная Звезда», не обинуясь, оглашает фамилии офицеров, пьянствующих или же незаконно сожительствующих при наличии законной жены. Удивительно это советское желание поднять офицерское достоинство, волоча это достоинство по грязи.

Советский офицер теперь уже проникся понятием об офицерской чести. Честь эта требует уплаты долгов, но не требует рыцарского отношения к женщине. Требуется верности офицерскому коллективу, но не требуется верности социалистическому режиму, потому что только на бумаге, но не в душах офицеров существуют такие вымышленные понятия, как «советский патриотизм», «социалистическая родина», «преданность компартии», «коммунистическая мораль».

За неотданье на улице чести, офицера ташат в комендатуру, где его, на виду у всех, 3-4 часа подвергают «строевой подготовке». Но не эта строгость, а сознание офицерской чести побуждает морских офицеров следовать традициям русского флота, почитать морской флаг, держаться флотского порядка, созданным веками.

И это совмещается с нигилистическим «нибоничо» — ни Бога, ни чорта. А создаваемая тоталитарным государством шаблонность мыслей и самоуверенность во внутренних суждениях совмещаются с большим интересом к Западу, к жизни вне СССР, с которой морские офицеры соприкасаются во время плаваний военных кораблей, или во время прикомандирования к единицам торгового флота в целях шпионажа в иностранных портах.

Морское офицерство не живет в полной изоляции от других общественных групп СССР и поэтому его отталкивание от советчины, от коммунистического, не может быть специально военноморским явлением. А жизненные условия морского офицера свидетельствуют, что рекламируемое улучшение жизни в СССР весьма незначительно и незначительно.

Если после долгих дней лютого двадцатиградусного мороза температура поднялась на несколько градусов, то рано говорить об оттепели. В СССР немножко поубавилось гнета и нищеты, но нищеты и гнета осталось так много, что режим попрежнему ненавистен и жизнь попрежнему невыносима.

Е. Месснер

**ДАЮ УРОКИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**
Тел. 740-4108

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Доктор медицины с дипломами двух университетов: Бухарестского и Розарио (говорит по-русски).
Лечение и удаление (без боли) и протезирование зубов.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. H
Capital T. E. 88-3605
(Один квартал от станции субтеранео «Пуэйрредон» по линии Федерико Лакросе).

В воскресенье, 3 апреля с. г., в 16 час. 30 мин., на ул. Карлос Кальво 2851 состоится
**ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ
ДОМА РУССКИХ БЕЛЫХ**
для переуборок прав и лени.
Участвовать в собрании могут члены, задолженность которых не превышает трех месяцев.
Задолженность до 1 июля 1959 г. правлением аннулируется.

О. С.

Трещины в советской власти

В начале февраля в американских газетах появились приведенные ниже две статьи Роско Драммонда основанные на интервью с А. Ю. Казначеевым, только недавно «избравшим свободу».

Вашингтон, 9 февр. 1960 г.

Нарастает ли новый взрыв внутри Сов. Союза, подобный тому, который сорвал ореол с мертвого Сталина? Почему наследники Сталина почувствовали, что они должны уничтожить тот его образ, который они так долго создавали? Был ли у них выбор? Какое советское возглавление, какой режим последует за Хрущевым? Поддерживает ли большинство русских коммунистическое правительство? Гордятся ли они его достижениями? Есть ли данные считать, что коммунизм будет сброшен изнутри?

Ответы, которые я дам на эти вопросы, исходят от человека, заслуживающего того, чтобы с ними считаться. Вы бы с удовольствием познакомились и поговорили с 28-летним Александром Юрьевичем Казначеевым, которому от роду было предназначено быть коммунистом, который получил образование, чтобы стать коммунистом, который был тренирован и избран, чтобы быть образцовым коммунистическим агентом, и который от всего сердца питает отвращение к советской коммунистической диктатуре.

Восемь месяцев тому назад, Александр Казначеев был причислен к советской миссии в Рангуне, назначением которой был подполковник под существующее бирманское правительство, для того, чтобы коммунисты могли взять власть в свои руки. Несмотря на то, что он всю жизнь подвергался специальному коммунистическому воспитанию, он избрал свободу при первом удобном случае.

Взятый под защиту американским посольством, он написал длинный отчет о своей жизни и о своем решении, начав его следующими словами:

«Я добровольно покинул свое место в советском посольстве, так как я хочу бороться против жестокой и угнетающей тираннии коммунизма».

В настоящее время молодой Казначеев живет в США. Он согласен идти на любой риск, чтобы дать интервью, и разрешает себя цитировать.

На меня наибольшее впечатление произвело то, что он уверен, более, чем большинство людей Запада, в том, что в течение нескольких лет коммунистическая диктатура не сможет устоять перед нарастающим требованием и давлением русского народа, жаждущего лучшей жизни и политической свободы.

«Но разве Хрущев не держит власть твердо в своих руках? — спросил я его.

«Хрущевский режим находится в состоянии хронического кризиса», — ответил он. — «Этот кризис исходит из противоположности интересов народа и правящего класса. Этот кризис достиг большой остроты накануне Второй Мировой войны, но наиболее опасным был он накануне смерти Сталина».

В 1953 году страна находилась на краю взрыва, который похоронил бы коммунизм, если бы он произошел. Сталин умер как раз вовремя. Для режима настоятельно требовалось принятие крайних мер для предотвращения этого взрыва».

«Почему же кремлевские вожди потропились испровергнуть Сталина и сделали это столь грубо?»

«Они должны были бросить сталинские методы, так как последние потерпели фиаско. Они должны были ввести некоторый либерализм, ослабить внутреннее напряжение, реорганизовать промышленность и сельское хозяйство, изменить иностранную политику. Они были вынуждены это сделать, чтобы предотвратить нарастающий взрыв. Власть должна была сделать уступки народу. Весь этот процесс был отступлением советского правительства. Оно не хотело этого делать, но было вынуждено так поступить, чтобы сохранить власть».

«Но, — спросил я, — даже если эти перемены и были вынужденными, разве они не укрепили советскую власть?»

«Может быть, временно, — ответил Казначеев, — но это не имеет значения».

События, которые последовали за XX съездом (на котором унизили Сталина), не оставляют никакого сомнения в этом. Эти события были: восстание в Тифлисе, бунты и забастовки в концлагерях во всем Сов. Союзе, польская и венгерская революции и, что особенно замечательно, студенческие демонстрации и рабочие забастовки в Сов. Союзе. Хрущевский либерализм не уничтожил пропасти между властью и народом, но, в то же самое время, он подорвал самые основы абсолютной диктатуры, на которой поконтся советский режим».

Вашингтон 10 февр. 1960 г.

Двадцативосьмилетний А. Ю. Казначеев, получивший тренировку для того, чтобы стать отборным коммунистическим агентом, и перешедший на сторону Запада во время своей первой командировки в Бирму, 8 месяцев тому назад, видит события внутри своей страны иначе, чем многие из нас на Западе, включая и экспертов.

«Разве большинство русских не гордятся советскими достижениями в науке, технике и производстве и разве это не усиливает режим?» — спросил я его.

«Конечно гордятся тем, что мы смогли сделать, но большинство русских считают, что достижения Сов. Союза в экономике были сделаны не благодаря советскому режиму, а, скорее, вопреки ему. Мы бы продвинулись вперед дальше по всем направлениям, если бы не удушающий гнет диктатуры».

«А каков взгляд русских на Холодную войну?»

А. Ю. Казначеев изложил это следующим образом: «Власть убедила некоторых, но немногих, что вина за Холодную войну падает на Запад. Но народ Сов. Союза теперь все яснее понимает, что не кто иной, как советское правительство заинтересовано в продолжении Холодной войны и гонке вооружений».

Молодой Казначеев убежден, исходя из своего опыта на родине со времени прихода Хрущева к власти, что сов. режим снова находится перед кризисом и что эволюционный процесс, начавшийся после смерти Сталина, вступает в новую фазу. Он приводит две характеристики этой фазы:

Во-первых, факт, что организованное сопротивление коммунистическому режиму зарождается в Сов. Союзе. Я не хочу сказать, что это большая оппозиционная партия, но люди начинают болеть или менее свободно обсуждать важные вопросы своей жизни, включая политические вопросы, обмениваться мыслями и приходить к общим понятиям и общим решениям. Теперь даже появилась возможность создавать небольшие группировки оппозиции, работающие под разными личинами. Имеются даже подпольные антикоммунистические группы. Подобные вещи были немыслимы при Сталине.

Вскоре после венгерского восстания, студенты Московского Университета приняли резолюцию на собрании комсомола, которую они послали в ЦИК партии, с требованием прекратить глушение иностранной радио-передач, разрешить свободное распространение иностранной прессы, и — наиболее смелое и важное требование — ввести двухпартийную систему в Сов. Союзе. Это было фактически требованием ликвидации советского режима».

Вторая главная характеристика кризиса хрущевского режима, который, по мнению Казначеева, назревает, — это «крайняя необходимость для Кремля ликвидировать неуравновешенное состояние экономики».

Он говорит: «Единственным способом достижения этого является замедление Холодной войны и гонки вооружений. Этого советский народ желает превыше всего и я не верю, что власть сможет долго ему отказывать в этом».

О. С.

Школа Национальной Организации Витязей в Бажестере открывает свой 6-ой учебный год.

Занятия будут идти в 4-х классах с 26 марта.

Запись началась с 19 марта.

Начало уроков точно в 15 часов.

Дирекция Школы

ХРОНИКА НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

П. Панин

КАНКЕТЕ

Действительно: нужна ли нам какая-то программа? Можно ли живую жизнь уложить в мертвые параграфы? Так, как чей-то лукавый ум проделал уже это однажды, загнав человеческую мысль и совесть в партийные кандалы? Характерно: передо мной — с е м ь программ разных партий и разных народов, написанных в конце прошлого столетия; а схожи они, как семь близнецов, — все списаны с одной шпаргалки. Чья она?..

Нет, если в м е р т в ы е параграфы, то, очевидно, нельзя. Нельзя живую и все время меняющуюся человеческую жизнь вперед и раз навсегда разложить по параграфам. Никаких партийных программ нам не надо: — “За Веру, Царя и Отечество!” — здесь все выражено. Но вот если в е х и, — вехи для пути необходимы, если он не наезжен или занесен метелью. О вехах подумаем. Подумаем о том пути, на котором по нашему мышлению могло бы лежать народное благо.

1. **О монархии.** Нельзя представить никакой выборной власти, никакого парламента, которые не оказались бы сейчас же в руках международных проходимцев. Вся мысль людей должна быть направлена сейчас только на один пункт: на освобождение. Оно приходит лишь и исключительно с независимым монархом. Независимость не укладывается с конституцией; значит — монарх самодержавный и неограниченный.

Никаких парламентов на основе партий. Должен быть общегосударственный, по преимуществу совещательный и однопалатный орган по образцу Государственных Дум или Земских Соборов, состоящий из представителей, свободно избранных от всех творческих слоев народа по корпоративному или территориальному признаку, с тем или иным объемом власти: но решающее слово должно быть за монархом. Государственных Д у м, а не собрания политиканов и прохвостов. Никакие партии, шайки и тайные общества в государственной жизни не должны быть допущены, и это будет лучшей гарантией гражданской свободы. В Совете этом или Думе должен иметься какой-то сектор национального представительства для решения национальных вопросов, как могут быть национальные правительства и городские и земские самоуправления на местах для решения местных вопросов.

2. **Аграрный вопрос.** Должен решаться примерно по Столыпину: частная собственность при полной свободе для крестьян самим избирать форму землепользования, при неременном лимите

(в 20-30 гектаров) на землевладение. Широкие слои общества понятия не имеют о том, насколько широко была гарантирована эта свобода столыпинским законодательством, — так все было искажено и оклеветано нашими просветителями. Опытные и образцовые хозяйства должны находиться в руках государства, земства или научных учреждений. За государством остается право на отчуждение. Лесные массивы и земли общегосударственного значения из крестьянского землевладения исключаются.

3. **Торговля внутренняя** — смешанная; но, чем выше оборот, тем внимательнее должен быть государственный контроль.

4. **Торговля внешняя** — тоже; но частная торговля вся — под контролем государства.

5. **Промышленность:** тоже. Нерентабельные государственные предприятия должны быть предложены в аренду рабочим союзам: в случае отказа — проданы частнику.

6. **Денационализация промышленности.** Возможно широкое привлечение рабочих союзов к управлению фабричными предприятиями. Если земли — крестьянам, то фабрики — рабочим. Государство оставляет за собой основную промышленность, как и железнодорожный транспорт. Остальные виды транспорта могут быть и частными.

7. **Кредит.** Никаких частных банков, — только государственные, городские, земские или кооперативные. Страхование может быть и частным или общественным, при соответствующем контроле государства.

8. **Профсоюзы.** Допускаются и поощряются профсоюзы, но без права насилия над личностью и обществом. Нахождение в них не является обязательным. За ними признается право на отказ от работы (на забастовку), но без права насилия над несостоящими в союзе или желающими продолжать работать. Непремено должен существовать арбитражный суд высшего порядка (со стороны Собора), обязательный для обеих сторон, созданный на началах паритета. При невозможности для суда вынести решение, таковое выносит верховная власть. Страхование рабочих — обязательно, за счет предпринимателя.

9. **Образование:** государственное и обязательное для всех, в пределах начальной или средней школы. Высшее образование — по конкурсу, без всяких ограничений. Частные и общественные учебные заведения — только под контролем государства.

10. (Добавляю от себя). Государственный контроль над прессой, театром, радио, и т. под., с привлечением к судебной ответственности лиц, нарушивших

правила приличия и условия общественного здоровья.

Личную справку даю только одну: 3. Принадлежу к политической группировке “Россия”.

П. Панин

Л. Шахвердов

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ АНКЕТЫ

1. **Желательной формой правления** в будущей России я считаю: а) Монархию абсолютную и наследственную. б) Министры назначаются и несут ответственность только перед Государем. в) Всякие говорильни в форме парламента, думы и т. п. ИЗЛИШНИ.

2. **Аграрный вопрос.** Земля должна принадлежать тому, кто на ней работает. Землю ни продавать, ни сдавать в аренду нельзя. Землю не обрабатываемые должны поступать в государственный фонд и могут быть бесплатно переданы тому, кто будет на ней работать. С бывшими крупными землевладельцами нужно найти способ рассчитаться.

3. **Внутренняя торговля.** Торговля внутри страны должна быть безусловно свободной и частной. Государственной монополей могут быть только отдельные виды товаров в исключительных случаях. Например: спиртные напитки и табак.

4. **Внешняя торговля.** Следовало бы отдать предпочтение государственной, как советские торгпредства. Конечно, частным лицам не возбраняется вести такую торговлю и самостоятельно, но следует ограничить их возможности оставлять в иностранных банках большие суммы денег.

5. **Промышленность.** Организация промышленности также должна широко открыть двери частному предпринимателю. Однако, все оставшееся после большевиков должно перейти в пользу государства. Бывшие же владельцы, или их наследники, имеют право на свою бывшую собственность, а потому нужно изыскать способ удовлетворить их законные требования, которые, однако, не должны превышать стоимости их предприятия, которые они покинули перед приходом большевиков.

Заводы, фабрики и пр., работающие на оборону должны остаться навсегда государственными. Частная инициатива для новых промышленных предприятий должна поощряться.

6. **Все виды транспорта** должны остаться в руках государства. Все бывшие собственники, или владельцы акция частных компаний, должны быть в меру законных требований удовлетворены. Новым же предпринимателям нужно оказывать содействие.

7. **Кредит и страхование.** Кредит и страхование на будущее время должны быть, как государственные, так и частные. Но все, что осталось после большевиков, должно считаться государственным. Дабы не обижать бывших собственников, их как-то нужно удовлетворить по форме § 5 и 6.

8. **Рабочий вопрос.** Все рабочие, за исключением поденных, работающие на государственных, или в частных предприятиях должны работать только по письменному договору. Следует создать рабочие инспекции с широким кругом прав. Состав инспекций должен быть смешанным от работодателей, от рабочих и от государства.

9. **Народное образование.** Образование должно быть всеобщим и доступным всякому, не считаясь ни с национальностью, ни с расой, ни с религией и т. п. Образование должно быть в нижней школе обязательным и бесплатным. В средней и высшей школе, по возможности, оно должно оплачиваться.

В школах с инородческим составом учеников, первые три года преподавание следует вести на родном языке, если, конечно, имеется на этом языке азбука и учебники. В течение этих 3-х лет русский язык должен быть обязательным предметом преподавания. В дальнейшем следует желать вести преподавание исключительно на русском языке. Однако, если какая-либо народность желает и далее вести преподавание на родном языке, то дабы не возбуждать нареканий, позволить — если имеется приличный состав преподавателей и нужные учебные пособия. Однако, экзамен по русскому языку, как экстерн он (она) должны сдать обязательно. В противном случае лишаются права поступать на государственную службу. Лучшим ученикам, не имеющим средств для продолжения образования должно оказываться пособие государственное, земское, или частное.

В Вашей анкете почему-то пропущен вопрос о религии и о государственном гербе и флаге.

10. **Религия.** Пусть всякий молится, как ему подсказывает совесть, а потому должна существовать свобода вероисповеданий. Следует допустить постройку храмов, мечетей, синагог и пр. Запрету следует подвергнуть только изуверские секты, вроде скопцов, хлыстов, или тех, что требуют человеческих жертвоприношений, а также самонистязаний, хотя бы даже и добровольных, которые могут отозваться на здоровье человека.

11. **Государственный герб, флаг, штандарт и пр.** следует восстановить, ибо это многовековая традиция и гордость народная. Красный флаг, серп и молот — это гордость кучки революционеров, а не всего народа. Пираты тоже гордятся своим черным флагом, но зато его презирают все другие, кто не принадлежит к их шайке.

Дополнительные ориентировочные данные.

Леонид Шахвердов, Тегеран (Иран). Возраст 67 лет.

Эмигрант с 1921 года.

Официально я был и есть беспартийный, но придерживаюсь монархических взглядов.

Л. Шахвердов

ему сказать? Меньшевистская овдена так по-мальчишески, что как Корневский не сел раньше поговорить с Успенским, но меня вызовет: итти к нему сперечь эту попытку на безусловна на меня в упор, смотрел, так его взгляде был намек на то, мокрым, то я морально обязан дение свое.

попытался представить Подмокмористическом виде. Подмоклыми глазами и только посменарестом вообще глупо делавух, явно подозрительных для вот уже арест... Столковаый выпускает Корневского, а де одного сексота.

м торжеством сказал мне Под-

Профессор У. — человек с поч? И моя Вичка превращается тура превращается в трагедию? подделаешь.

попал, а Корневского выруагада, ставившая сети на озере. ытащила труп одного из “троцкрепкой лессе от удочки, тело

было измолото вичкинскими водопадами: удил, значит, парень рыбу, как-то оступился в водопады — и поминай, как звали.

На этот раз Подмоклый вызвал меня в официальном порядке и сказал мне:

— Итак, г р а ж д а н и н Солоневич, будьте добры ответить мне.

Произошла некоторая перепалка. Бояться Подмоклого со всей его третьей частью у меня не было никаких оснований. До проведения спартакиады я был забронирован от всяких покушений с чьей бы то ни было стороны. Поэтому, когда Подмоклый попробовал повысить тон, я ему сказал, чтобы он дурака не валял, а то я пойду и доложу Успенскому, что сексотов всадили на Вичку по-дурачки, что я об этом его, Подмоклого, предупреждал, что он, Подмоклый, сам мне сказал: “этого товара нам не жалко”, и что я ему, Подмоклому, категорически предлагаю моей работы не разваливать: всякому понятно, что энтузиастов социалистического строительства на Вичке нет и быть не может, что там сидят контрреволюционеры (не даром же их посадили) и что, если третья часть начнет арестовывать моих людей, я пойду к Успенскому и скажу, что проведение спартакиады он, Подмоклый, ставит под угрозу.

— Ну, и чего вы взъерепенились, — сказал Подмоклый. — Я с вами, как с человеком, разговариваю.

Инцидент был исчерпан. Виновников гибели “троцкиста” разыскивать так и не стали. Этого “товара” у третьей части, действительно, было много. Но и Корневского выручить не удалось. Оставшийся “троцкист” был в тот же день изъят из Вички и куда-то отослан. Но я чувствовал, что после спартакиады или, точнее, после моего побега, Подмоклый постарается кое с кем разделаться. Я снова почувствовал один из самых отвратительных,

самых идиотских тупиков советской жизни: что бы ни организовывать — самое беспартийное, самое аполитичное — туда сейчас же проползет ГПУ и устроит там западню. Перед самым побегом мне пришлось кое-кого из моих физкультурников изъять из Вички и отправить в качестве инструкторов в другие отделения, подалее от глаз медгорской третьей части. Впрочем, дня за три до побега Подмоклый, подмочившись окончательно, стал стрелять в коридоре общежития ГПУ — и куда-то исчез. Что с ним сделалось, я так и не узнал. В этом есть какое-то воздаяние. Из ГПУ-ских палачей немногие выживают. Остатки человеческой совести они глушат алкоголем, морфием, кокаином, и ГПУ-ская машина потом выбрасывает их на свалку, а то и на тот свет... Туда же, видимо, был выброшен и товарищ Подмоклый...

На Вичке был момент напряженной тревоги, когда в связи с убийством сексота ожидалась налеты третьей части, обыски, допросы, аресты. Обычно в таких случаях подвергается разгрому все, что попадает под руку: бригада, барак, иногда и целая колонна. ГПУ не любит оставлять безнаказанной гибель своих агентов. Но здесь разгром Вички означал бы разгром спартакиады, а для спартакиады Успенский охотно пожертвовал бы и сотней своих сексотов. Поэтому Вичку оставили в покое. Напряжение понемногу улеглось: притихшая было молодежь снова подняла свой галдеж, и в небольших разрозненных кружках моих физкультурников снова стали вестись политические прения.

Велись они по всяким более или менее отдаленным уголкам вичкинской территории, и время от времени приходил ко мне какой-нибудь питерский студент или бывший комсомолец московского завода “АМО” за какими-нибудь фактическими справками. Например: существует ли в Европе легальная коммунистическая печать?

